

И.П. Игнатов

Галерея русских писателей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И11

И11 **И.П. Игнатов**
Галерея русских писателей / И.П. Игнатов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
600 с.

ISBN 978-5-518-04080-9

ISBN 978-5-518-04080-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сохранять объективность, указывая лишь на то, въ чемъ проявлялась дѣятельность писателя и почти не входя въ оцѣнку достоинствъ и недостатковъ этой дѣятельности.

Что касается до расположенія портретовъ и біографій, то, не упуская изъ вида хронологическаго порядка, мы старались въ то же время сгруппировать писателей по ихъ общественнымъ взглядамъ. Къ сожалѣнію, намъ далеко не вездѣ удалось сохранить этотъ порядокъ, частью вслѣдствіе указанныхъ уже техническихъ затрудненій, частью изъ-за другихъ причинъ, между которыми разновременная доставка портретовъ играла не послѣднюю роль. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ невольно приходилось соединять писателей различныхъ направленій и взглядовъ, или отличающихся другъ отъ друга по роду литературной дѣятельности.

Хотя настоящее изданіе не имѣетъ въ виду, а по своему характеру и не можетъ быть исторіей русской литературы, тѣмъ не менѣе мы сочли необходимымъ предпослать біографіямъ, начинающимся съ Кантемира, краткій очеркъ развитія русской письменности до появленія сатиръ этого писателя *).

Мы считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать нашу глубокую признательность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя содѣйствовали намъ при собираніи нужныхъ портретовъ; особенно мы должны благодарить за оказанную намъ въ этомъ помощь Р. Л. и В. Л. Антроповыхъ, П. И. Бокова, П. П. Боткина, П. И. Вейнберга, гр. Е. А. Гендрикову, С. Т. Ишпенецкую, Н. И. Кирѣевского, В. В. Майкова, Л. Ф. Маклакову, Н. К. Михайловскаго, Е. С. Некрасову, Н. О. Новодворскую, А. Е. Носа, Н. А. Огареву, Е. А. Саліаса, А. М. Скабичевскаго, А. И. Станкевича, А. Г. Успенскаго, М. К. Цебрикову, М. Н. Чернышевскаго, В. К. Шапиро, С. П. Щурова и Е. А. Оедорову.

---

*) Составленіе этого вступительнаго очерка, а также біографій Бѣлинскаго, Грибоѣдова, П. Крылова и Фонвизина, принадлежитъ П. П. Сакузину; прочія біографіи написаны при ближайшемъ участіи В. М. Шулятикова и др.

Русская словесность до Кантемира.

Задолго до принятія христіанства и возникновенія письменности русскіе славяне уже обладали извѣстнымъ запасомъ произведеній поэтическаго творчества. Въ христіанскій періодъ жизни русскій народъ выдѣливъ изъ своей среды отдѣльныхъ пѣвцовъ-поэтовъ (народныхъ и дружинныхъ пѣвцовъ, скомороховъ, бахарей, каликъ, сказителей, вопленицъ), продолжалъ творческую работу подъ воздѣйствіемъ разнообразныхъ и сложныхъ культурныхъ факторовъ: новыхъ христіанскихъ идей, книжныхъ сказаній, странствующихъ сюжетовъ, переходившихъ нерѣдко черезъ тюркскую среду, и т. д.

Эти разнообразныя вліянія не стерли однако національнаго колорита съ произведеній русской народной поэзіи, которая, несмотря на присутствіе порой фантастическаго элемента, остается истинно-реальной и въ былевомъ эпосѣ, и въ лирической пѣснѣ, и въ сказкѣ, полной юмора, и въ мѣткой пословицѣ или замысловатой загадкѣ. Научная разработка народной поэзіи началась сравнительно недавно (съ 30—40 гг.), много народныхъ произведеній, несомнѣнно, не дошло до насъ, но даже при этихъ условіяхъ народнопоэтическія произведенія даютъ намъ возможность составить болѣе или менѣе полное сужденіе о міросозерцаніи народа, объ интимной сторонѣ его жизни.

Богатая по содержанію народная [поэзія отличается многими достоинствами и со стороны формы. Правда, въ архитектурикѣ народныхъ произведеній часто нѣтъ должной стройности; характеры изображаемыхъ лицъ (напр., богатырей) иногда заключаютъ въ себѣ внутреннія противорѣчія; въ эпосѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются географическія и историческія несообразности; многія выраженія (постоянные эпитеты, *loci communes*) употребляются съ какой-то наивной безсознательностью, нерѣдко совершенно неумѣстно,—тѣмъ

не менѣ нельзя не видѣть поэтической красоты въ характерныхъ народныхъ эпитетахъ, сравненіяхъ и олицетвореніяхъ, нельзя не удивляться чуткому пониманію народомъ жизни природы, простотѣ и искренности въ выраженіи лирическаго настроенія и оригинальности музыкальных мотивовъ. По словамъ нѣмецкаго ученаго Вестфала, русской народной поэзіи принадлежитъ „безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земного шара“. Гоненія, какимъ подвергалась народная поэзія со стороны церковной книжности, не только задерживали ея правильный ростъ, но и лишали всю литературу нормальнаго развитія. Это отчужденіе двухъ родственныхъ стихій было до извѣстной степени устранено въ новомъ и новѣйшемъ періодѣ нашей литературы, которая нашла въ народной поэзіи свѣжій источникъ вдохновенія.

Въ настоящее время старинная народная поэзія доживаетъ свой вѣкъ въ разныхъ глухихъ уголкахъ обширной Россіи, наприм., въ Олонецкомъ и Онежскомъ краѣ. Новыя условія жизни (фабрика, городская цивилизація) придали особое, не совсѣмъ желательное, направленіе народному творчеству, выразившееся въ созданіи фабричныхъ пѣсенъ и «романсовъ», очень слабыхъ съ художественной стороны и нерѣдко грубо-площадныхъ по содержанію.

Принятіе христіанства (въ концѣ X вѣка) было фактомъ чрезвычайной важности. Византія крестила Русь и взяла ее подъ культурную опеку, на первыхъ же порахъ стараясь внушить непріязнь къ Западу. Въ сознаніи русскаго человѣка все болѣе и болѣе укрѣплялась мысль о томъ, что «святая Русь» и Византія принадлежатъ къ одному культурному типу, рѣзко отличающемуся отъ западнаго. Византія снабжала Русь, непосредственно или черезъ посредство югославянскихъ странъ, обширной, но односторонней по содержанію литературой. Переводная русская письменность состояла изъ священнаго писанія, книгъ богослужебныхъ, твореній св. отцовъ, житій святыхъ, историческихъ сочиненій (хроникъ, палей), повѣстей (часто также латино-романскаго происхожденія), апокрифовъ (непризнанныхъ церковью, «отреченныхъ» легендарныхъ сказаній о лилахъ и событіяхъ священной исторіи), нѣсколькихъ научныхъ и философскихъ сочиненій («Христіанская топографія» Козьмы Индикоплова, «Діалектика, или главы философски» Іоанна Дамаскина) и многочисленныхъ сборниковъ довольно пестраго содержанія. Преобладающей чертой всей этой письменности является религіозная назидательность. Мысль русскаго читателя все время вращалась въ

сферѣ релігійозныхъ идей и книжной морали; русскій челоуѣкъ получалъ много матеріала для благочестивыхъ размышленій, мало для удовлетворенія своихъ художественныхъ запросовъ и почти совсѣмъ не получалъ реальныхъ познаній о челоуѣкѣ, природѣ и жизни. Аскетическій пессимизмъ объявилъ все мірское грѣховнымъ («есть бо воистину ненавистенъ миръ сей и мерзокъ»), вооружался противъ всякаго веселія, поэзіи и внушалъ недовѣріе къ «прелестному» разуму, къ «высокоумію».

Скудные паучныя свѣдѣнія анекдотическаго и фантастическаго характера, дѣйствуя главнымъ образомъ на воображеніе, пріучая во всемъ видѣть чудо, поддерживали суевѣріе и отвлекали мысль отъ анализа и изображенія дѣйствительности.

Со времени принятія христіанства русскому язычнику пришлось усваивать новое міросозерцаніе, новыя нравственныя идеи и новыя космогоническія понятія. Масса населенія долго не могла забыть своего язычества, оставалась «двоевѣрной» и въ сущности до настоящаго времени сохраняетъ въ своемъ быту и воззрѣніяхъ нѣкоторыя переживанія язычества. Но книжныя сословія, т.-е. духовенство, князья и бояре, глубоко прониклись христіанско-византійскими идеалами и ревностно вступили въ борьбу со старымъ язычествомъ: строили церкви, заводили училища съ элементарной программой церковно-приходскихъ школъ (чтеніе—букварь, часословъ, псалтирь, письмо и пѣніе церковное) и распространяли новое ученіе посредствомъ устныхъ проповѣдей, поученій и письменныхъ произведеній. Просвѣщеніе и литература принимаютъ релігійозно-церковное направленіе съ византійско-аскетической окраской. Русскій «книжочій», «падающій по книгамъ, яки пчела по различнымъ цвѣтомъ», смотрѣлъ на жизнь глазами византійскаго писателя и презиралъ «бѣсовскую» поэзію народа. Изъ-подъ пера такого книжника и выходили проповѣди, поученія, житія святыхъ, лѣтописи и т. п. произведенія. Свѣтская поэзія, поэзія жизни, не могла при этихъ условіяхъ получить должнаго развитія. Только историческіе и церковно-легендарные сюжеты обрабатывались въ повѣствовательной формѣ. Вліяніе народной поэзіи на книжную литературу было незначительно и случайно.

Въ первомъ, домонгольскомъ, періодѣ духовная жизнь Руси сосредоточивалась преимущественно въ южныхъ областяхъ и главнымъ образомъ въ Кіевѣ. Литература этого періода отличается сравнительною интенсивностью и самобытностью. Къ этому періоду отно-

сятся лучшія русскія лѣтописи и знаменитый памятникъ «Слово о полку Игоревѣ» (разсказъ о походѣ кн. Игоря на половцевъ въ концѣ XII в.), занимающее теперь исключительное мѣсто въ древней русской литературѣ по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по своей близости къ поэтическимъ мотивамъ и приѣмамъ народнаго творчества.

Послѣ XIII в. политическій и литературный центръ переносится на сѣверо-востокъ. Москва стала во главѣ Великой Руси и послѣ паденія Константинополя (1453 г.) въ глазахъ всего православнаго міра стала хранительницей завѣтовъ византійско-русской старины. Этому возвышенію роли Москвы не соответствовало ея культурное состояніе. Просвѣщеніе стояло здѣсь ниже, чѣмъ въ старыхъ городахъ (Кіевѣ и Новгородѣ), и развивалось крайне медленно: въ XV—XVI вв. мы слышимъ постоянныя жалобы на невѣжество духовенства, на «двоевѣріе» народа, на отсутствіе даже элементарныхъ школъ; литературная дѣятельность русскихъ писателей попрежнему сосредоточивается главнымъ образомъ въ предѣлахъ церковныхъ интересовъ. Церковною назидательностью и условнымъ риторизмомъ («добрословіемъ», «плетеніемъ словесъ») отличаются житія святыхъ, легенды, «умильныя», историческія повѣсти и повѣсти публицистическаго и тенденціознаго направленія (наприм., о происхожденіи власти московскихъ государей). Зато замѣтно возрастали чувство національнаго самодовольства, замкнутость и нетерпимость къ Западу вмѣстѣ со страхомъ передъ «латинской» мудростью.

Но въ силу неизбежнаго хода исторіи очень рано возникаютъ оппозиціонныя теченія въ русской жизни. Протестъ противъ гнета византійской догмы сказался, во-первыхъ, въ разныхъ ересьяхъ, которыя въ половинѣ XIV в. зародились въ Новгородѣ и Псковѣ, повидимому, не безъ вліянія Запада, и подъ разными названіями (стригальники, жидовствующіе, ересь Матвѣя Башкина и Θεодосія Косого) распространились по Россіи, вплоть до XVI в. поддерживая броженіе религиозной мысли даже въ самой Москвѣ, гдѣ дьякъ Курицынъ формулировалъ свои раціоналистическія убѣжденія словами: «разумъ самовластенъ: стѣсняетъ его вѣра», и гдѣ еретикъ Башкинъ отпускаетъ на свободу своихъ холоповъ, такъ какъ «и Христосъ всѣхъ братьями нарицаеть». Въ Москвѣ XV—XVI в. появляются пропагандисты латинской вѣры и протестантства; по рукамъ сильно расходятся книги астрологическаго и гадательнаго содержанія; иконографія подъ вліяніемъ «фряжской» живописи

обнаруживает стремление къ «живству»; вырабатывается постепенно типъ «міролюбца» и западника, сочувствующаго разнымъ новшествамъ, секретно читающаго книги латинскія и нѣмецкія. Само правительство, начиная съ XV в., подъ давленіемъ необходимости обращается къ Западу за искусными мастерами, техниками, врачами, военными; изъ иностранцевъ въ Москвѣ составляется цѣлая «нѣмецкая слобода». Старая Русь въ XVI в. переживала тяжелый кризисъ: прежніе устои жизни колебались, чувствовалась потребность въ какомъ-то обновленіи. Москва стала на стражъ православной старины. Обличая и проклиная новшества (между прочимъ официально на Стоглавомъ Соборѣ), она спѣшитъ произвести кодификацію того, чѣмъ жили благочестивые предки: митр. Макарій составляетъ Четьи-Минеи, сборникъ «богодухновенныхъ книгъ, кои въ русской землѣ обрѣтаются»; Домострой подробно излагаетъ программу «праведнаго, благоразсудливаго и порядливаго житія», «по заповѣди Господни, и по отеческому преданію, и по христіанскому закону»; издаются иконописные «подлинники» для руководства иконописцамъ и т. п.

Охранительная партія, однако, не могла удержать за собой господствующей позиціи. Въ XVII в. ея противники получили свѣжія подкрѣпленія съ того же латинскаго Запада, на этотъ разъ черезъ юго-западную Русь и Польшу.

Особыя историческія условія и географическая близость юго-западной Россіи къ Польшѣ и Западу открывали доступъ иноземнымъ вліяніямъ. Съ другой стороны, вѣковая борьба съ іезуитскою пропагандой вынуждала православныхъ русскихъ людей позаботиться о распространеніи просвѣщенія. И вотъ въ XVI—XVII вв. мы наблюдаемъ сильное оживленіе въ юго-западномъ краѣ: возникаютъ новыя школы схоластическаго типа (по образцу іезуитскихъ collegій); водворяется схоластическая наука (грамматика, піитика, риторика, логика, діалектика, философія, богословіе), опредѣляя характеръ церковной проповѣди и всей литературы; проявляется множество переводныхъ сочиненій свѣтской литературы, изъ которыхъ особенно цѣнны «смѣхотворные» рассказы, рыцарскіе и любовные романы (въ народно-лубочной передѣлкѣ), вносящіе въ литературное чтеніе новые элементы смѣха, жизненной, бытовой правды и нѣкотораго идеализма. Литература усваиваетъ новыя формы, подготавливая уже почву для развитія псевдоклассицизма: вводится стихосложеніе (силлабическое), и въ стихахъ начинаютъ сочинять не

только хвалебныя оды, поэмы, канты, но и учебники, календари и пр.; наконецъ, юго-западная Русь переноситъ къ себѣ и драму (такъ наз. школьную драму), которая вырабатывалась подъ вліяніемъ мистерій, моралитѣ и античной драмы, но съ теченіемъ времени на русской почвѣ стала проникаться также народно-бытовымъ содержаніемъ. Русь такимъ образомъ сдѣлала значительный шагъ впередъ, но стояла все еще далеко позади Запада, гдѣ схоластическая наука давно уже потеряла кредитъ, и гдѣ начали развиваться реальная наука, свободная философія и жизненная, высокохудожественная литература. Просвѣщеніе юго-западной Руси, схоластическое по духу, подобно старому, византійскому просвѣщенію, носить еще явный отпечатокъ церковности.

Москва, подозрительно относившаяся къ знанію, вынуждена была прибѣгнуть къ помощи юго-западныхъ ученыхъ въ дѣлѣ задуманнаго патр. Никономъ исправленія церковныхъ книгъ. Съ половины XVII в. юго-западная образованность вторгается въ столицу Московскаго государства и, несмотря на ожесточенную оппозицію приверженцевъ старины, получаетъ официальное признаніе и реформируетъ московскую школу и московскую литературу. Литература направляется по пути, указанному юго-западною Русью (Симеонъ Полоцкій), оживляется и обнаруживаетъ даже тенденцію служить реальному изображенію жизни (Исторія о Фролѣ Скабѣевѣ, повѣсть о Горѣ-Злосчастіи). Возбужденное общество частью уходитъ въ расколъ съ знаменитымъ Аввакумомъ во главѣ, частью ищетъ новыхъ путей (Симеонъ Полоцкій, Медвѣдевъ, Котошихинъ). Въ состояніи такого броженія застаютъ Русь Петръ Великій и, вопреки опасеніямъ близорукаго невѣжества, что «которая земля переставляетъ обычаи свои, и та земля недолго стоитъ», рѣшительно направляетъ ее въ сторону усвоенія европейскихъ началъ жизни. Дѣятельная жизнь во имя общественнаго и личнаго блага, неутомимое стремленіе къ знанію, притомъ истинно-научному, свободному и полезному для общества и государства, — вотъ идеалы, которые смѣло были заявлены великимъ реформаторомъ. Петръ Великій основалъ новый типъ свѣтской школы, преимущественно профессиональной, создалъ газету, содѣйствовалъ переводу разнообразныхъ книгъ научнаго содержанія, которыя могли бы дать русскому читателю техническія знанія, ввести его въ кругъ историческихъ, общественныхъ и политическихъ идей и развить его самосознаніе.

Въ отвѣтъ на призывъ преобразователя русское общество вы-

двинуло талантливаго проповѣдника Теофана Прокоповича, публициста крестьянина Ивана Посошкова и историка Татищева. Литература, пользуясь формами XVII в. (нашедшими между прочимъ замѣчательный комментарий въ духѣ античной поэтики въ сочиненіи О. Прокоповича «De arte poetica»), служить дѣлу преобразованія и окончательно укрѣпляется на новомъ пути, характеризующемся, во-первыхъ, тѣмъ, что, развиваясь въ связи съ западной литературой, она постоянно расширяетъ и углубляетъ свое знакомство съ европейскими идеями и литературными формами и, во-вторыхъ, тѣмъ, что, несмотря на чужеземныя вліянія, она все болѣе и болѣе становится національной, все тѣснѣе и тѣснѣе сближается съ дѣйствительностью русской жизни.

Эти свойства мы находимъ уже у одного изъ первыхъ представителей новой литературы, кн. Антиоха Кантемира.

Князь Анто́хъ Дми́тріевичъ Кантеми́рь.

К. (10 сентября 1709 г., † 31 марта 1744 г.) родился въ Константинополѣ, но въ 1711 г. отецъ его, бывший молдавскимъ господаремъ, переселился въ Россію со всѣмъ семействомъ. Образованіемъ своимъ К. главнымъ образомъ обязанъ отцу и студенту законоспасской академіи Ильинскому, у котораго между прочимъ научился писать стихи (первое стихотвореніе, „Симфонія на Псалтирь“, написано подъ явнымъ вліяніемъ Ильинскаго). Дополнилъ онъ образованіе уроками прѣхавшихъ въ Россію иностранныхъ академиковъ, у которыхъ учился исторіи, математикѣ и философіи. Эти занятія сдѣлали изъ К—ра, по выраженію одного изъ біографовъ, самаго образованнаго человѣка современнаго ему поколѣнія. Поступивши на военную службу, онъ приблизился къ придворнымъ кругамъ, но не сошелся съ ними, такъ какъ по своему образованію стоялъ значительно выше ихъ, а по своему матеріальному положенію чувствовалъ себя загнаннымъ и обездоленнымъ. И личные его интересы, и общественные взгляды не соотвѣтствовали замысламъ верховниковъ; возставъ противъ нихъ, онъ примкнулъ къ партіи, побѣда которой привела въ послѣдствіи къ неожиданному для нея самой возвышенію Бирона. Условія личной жизни К—ра значительно улучшились послѣ этого. Дальнѣйшая его жизнь протекла за границей, сначала въ Англіи, потомъ во Франціи, гдѣ до самой смерти онъ остался русскимъ посломъ. К. умеръ въ Парижѣ. Литературная его дѣятельность выразилась главнымъ образомъ въ сатирахъ, въ которыхъ, какъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, К. выступаетъ человѣкомъ, сознающимъ гражданскія обязанности, поборникомъ просвѣщенія, обличителемъ приверженцевъ старины, карателемъ невѣжества, суевѣрій и ханжества; онъ возстаеъ противъ высокомерія высшихъ сословій и ихъ несправедливаго отношенія къ низшимъ классамъ народа. „На хулящихъ ученіе“, „На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ“, „На человѣческія злонравія вообще“—таковы темы его сатиръ. Въ нихъ, по выраженію Бѣлинскаго, „нѣтъ ни желчнаго негодованія, ни бурнаго пафоса, но въ нихъ много ума, много комической соли и есть одушевленіе. К. не бичуетъ, а только сбиваетъ обскурантовъ“. Написавъ пять сатиръ, онъ принялся за пересмотръ syllabического стихосложенія для выработки новаго, сообщающаго стиху болѣшую гармонию и живость. Всего имъ написано девять сатиръ, переведено нѣсколько книгъ, составлены философскія разсужденія на религіозныя темы. Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ К., кромѣ защиты интересовъ просвѣщенія, даетъ новыя для той эпохи понятія о гражданскихъ обязанностяхъ, выставяетъ, какъ выразился одинъ изъ его біографовъ, идеалъ „человѣка съ новыми стремленіями, съ новою оцѣнкою дѣятельности“.